

Сибирское маслоделие в 1920-е годы: попытки вернуть былое могущество в условиях нэпа¹

А.А. НИКОЛАЕВ, доктор исторических наук, заместитель директора
по научной работе Института истории СО РАН, Новосибирск.
E-mail: agronicol@gmail.com

Анализируются ключевые факторы, повлиявшие на развитие молочного животноводства и маслоделия в Сибири в 1920-е годы: изменение ценообразования, кормовой кризис, кооперативная политика. Вскрыты причины изменения региональной специализации сельского хозяйства и его переориентации на растениеводство.

Ключевые слова: сибирское маслоделие, кооперация, молочное животноводство, новая экономическая политика

Дезорганизация рынка в годы Первой мировой войны оказала негативное влияние на молочное животноводство и маслоделие в Сибири, а после засухи лета 1921 г. последовал массовый забой скота в 1922 г. Это во многом предопределило устойчивую тенденцию сокращения производства и сбыта масла в 1914–1922 гг. Объем его заготовок в Сибири с 1 781 тыс. пудов в 1918 г. уменьшился до 422 тыс. пудов в 1920 г., или в 4,2 раза. В 1922 г. вывоз масла из Сибири снизился в сравнении с 1915 г. в 8,3 раза [1], а число маслозаводов сократилось с 4000 в 1913 г. до 2 772 в 1924 г.

Только в 1923 г. наметилось восстановление сельскохозяйственного производства, в том числе молочного животноводства и маслоделия. Однако достичь дореволюционного уровня так и не удалось. В наиболее благоприятном 1926/27. производство масла в Сибири достигло 84,7% довоенного уровня, а товарность составила 69,6%². Удельный вес масла в стоимости вывозимых из Сибири сельхозпродуктов снизился с 64,4% в 1913 г. до 41,6%. в 1928 г.

¹ Статья написана в продолжение материала, представленного в предыдущем номере: Николаев А. А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // ЭКО. – 2016. – № 6. – С. 36–49.

² Рассчитано по данным [2. С. 3].

Причины угасания отрасли

Экспорт масла, возобновившийся с 1923 г., рос очень медленно. Позиции на зарубежных рынках оказались безвозвратно утраченными из-за высокой конкуренции, а также из-за ухудшения качества сибирского масла в результате разрушения производственной базы и системы эффективного контроля качества. Кроме того, производители молока, оторванные многозвенной системой советского экспорта от участия в распределении конечной прибыли, утратили мотивацию к поставкам качественного молока на заводы.

В ноябре 1923 г. Наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции (НК РКИ) по согласованию с местными контрольными, хозяйственными и кооперативными организациями провел обследование маслодельных предприятий Сибири на предмет выявления объема заготовок для внутреннего рынка и экспорта. Инспекторы отметили антисанитарные условия на заводах, изношенность оборудования, отсутствие измерительных приборов, несоблюдение элементарных технологических приемов обработки молока [3]. В конце 1925 г. в докладных записках Маслоцентра в НК РКИ фигурировали те же причины плохого качества масла: ржавая посуда, сырые помещения, некондиционные бочки и пергамент, изношенные сепараторы [4]. То есть эффективных мер по сигналам контрольных органов принято не было, а в 1926 г. в экспортных партиях масла даже была обнаружена плесень.

Цены на внутреннем рынке в течение 1922–1928 гг. оказались также неблагоприятны для восстановления маслоделия. Уже в годы Первой мировой войны в сельском хозяйстве Сибири стало преобладать растениеводство, оно же гораздо быстрее оправилось после потрясений гражданской войны и засухи 1921 г. Изоляция маслоделия от экспорта и рост внутреннего спроса на хлеб спровоцировали революцию внутренних цен, и масло как внутренний рыночный продукт окончательно уступило свое место хлебу.

По данным СибРКИ, в 1923 г. пуд масла приравнивался к рыночной стоимости 8–10 пудов хлеба (в 1914 г. – к 28 пудам). За девять лет «покупательная способность» масла в сравнении с хлебом упала почти в три раза, с ситцем – более чем в четыре раза [5. С. 237]. Экономические факторы расширения молочного

хозяйства заметно ослабли. Заинтересованность крестьянства в содержании молочных коров сохранялась фактически лишь с точки зрения уплаты единого сельскохозяйственного налога и личного потребления. В частности, в рационе населения сократилось потребление хлеба с 35 пудов в 1913 г. до 26 пудов в 1927 г. [6], при увеличении потребления молока и масла. По данным анкетных обследований весной 1927 г., в ряде районов получили распространение частные сепараторы, перерабатывающие свое и «соседское» молоко для личных нужд.

Сохранение неблагоприятного для маслоделия соотношения рыночных цен стало основной причиной стагнации молочного животноводства. По данным Конъюнктурного института, в 1928 г. цены на пшеницу в Сибири в сравнении с 1913 г. увеличились в 1,6 раза, на мясо – в 2,1 раза, в то время как на молоко – менее чем в 1,4 раза (табл. 1). С государством выгоднее стало рассчитываться не молоком, а мясом.

Таблица 1. Динамика индекса цен на основные сельскохозяйственные продукты в Сибири за 1925–1928 гг., % к 1913 г.

Продукт	1925/26	1926/27	1927/28
Пшеница	137,3	140,0	159,5
Мясо	212,3	208,0	209,5
Молоко	115,5	132,5	138,5

Источник: ГАРФ, Ф. – А. 406. Оп. 9. Д. 850. Л. 8 (приведен поквартальный расчет индекса цен).

Кормовой кризис. В начале XX столетия сельское хозяйство Сибири носило экстенсивный характер и развивалось за счет вовлечения в севооборот многолетних залежей. Использованная пашня в течение 20–30 лет восстанавливалась естественным способом. Отсутствие мероприятий по рекультивации пашни, внедрению более прогрессивных травопольных севооборотов вело к истощению природных ресурсов. Кроме того, расширение пашни под зерновые шло во многом за счет сокращения лугов и пастбищ, что сказывалось на состоянии кормовой базы.

На совещании президиума Сибкрайисполкома 27–28 сентября 1928 г. под председательством Р.И. Эйхе при обсуждении вопросов о перспективах развития молочного животноводства и маслоделия вопрос об оценке состояния кормовой базы вызвал острую полемику. Руководитель статистического отдела исполкома В. Каврайский (не будучи специалистом-аграрником) отрицал

наличие кормового кризиса, указывая на многократный рост численности овец: их доля в поголовье животного стада возросла с 32% в 1913 г. до 46% в 1927 г. под влиянием растущего спроса на овечью шерсть в легкой промышленности.

Приведем характерную выдержку из стенограммы: «Тут имеются некоторые товарищи, которые находят, что все дело в маслоделии заключается в разрешении кормового вопроса, и тогда все будет обстоять блестяще. Мы видим, как разрешается кормовой вопрос для коровы и для овцы. Надо надеяться, что овца питается сеном, как и корова... Также совершенно ясно, что для этих овец также необходимы какие-то пастбища, и нужно принять во внимание, что после овцы лошади и коровы едят уже неохотно. Отсюда следует, что овца отбивает пастбища у коров и лошадей» [7].

Уже на следующий день заседания с критикой доклада В. Каврайского выступил руководитель Сибкрайплана М. К. Минеев, заявив, что действительно есть целый ряд косвенных свидетельств недостатка кормов. Так, обеспеченность удобными землями по Барнаульскому и Бийскому округам в расчете на одно хозяйство снизилась со 132 десятин в 1882 г. до 2–3 десятин в 1927 г. Срок отдыха залежных земель сократился с 20–30 лет до 2–5 лет, в результате на них появились бурьян и полынь, пригодные лишь для овец, но не для коров, у которых количество и качество молока прямо зависят от состава кормов. Сокращение естественных кормовых угодий повлекло снижение обеспеченности сеном крупного рогатого скота. В 1923 г. на одну корову в юго-западной Сибири приходилось 117 пудов сена, в 1925 г. – 88, в 1927 г. – 81. По Рубцовскому, Славгородскому, Омскому округам ухудшения были еще более разительными. В Барнаульском округе на одну корову приходилось в среднем 0,75 га сенокосов (при потребности 1,43 га).

Другим косвенным показателем недостатка кормов, особенно в зимний стойловый период, стал рост падежа крупного рогатого скота. По данным Госстраха (цифры достаточно точные, так как в соответствии с ними выплачены деньги застрахованным хозяйствам), в 1925 г. в Сибири пало 49 тыс. голов крупного рогатого скота, в 1926 г. – 79 тыс., за 9 месяцев 1927 г. – 93 тыс. голов [8].

«Целый ряд решений Сибкрайисполкома за последние 3 года касался вопроса “кормового кризиса”, – говорил М. К. Минеев.–

Экстенсивное земледелие в Сибири при все более уплотняющемся населении приводит к кризисному состоянию, сталкивается с животноводством. Выход заключается в переходе к новой системе сельского хозяйства – системе паротравополя» [9].

Впрочем, руководитель Сибкрайплана считал, что кризис кормопроизводства был обусловлен не только объективными факторами, но и просчетами в экономической политике, а также запоздалой реакцией на сложившуюся ситуацию [10, 11].

Однако следует отметить, что представления о состоянии кормовых угодий в конце 1920-х годов не были в достаточной степени обеспечены ни данными аграрной науки, ни экономической статистикой. Лишь в отдельных районах обследовались луговые массивы и определялась рентабельность овцеводства. В низкой степени проработки находился и ключевой вопрос интенсификации зернового хозяйства на основе замещения господствовавшей залежной системы земледелия травопольной [12].

Одновременно произошли неблагоприятные для молочного хозяйства изменения в распределении сильных кормов³ – важнейшей составляющей в рационе питания животных. Отходы мукомольной и масличной промышленности стали целевым образом распределяться хозяйствам, выполняющим план хлебозаготовок. Но крестьяне тратили полученные отруби на выращивание скота не молочного, а мясного направления.

17 января 1928 г. в Совет Труда и Оборона (СТО) и Экономического совещания (ЭКОСО) РСФСР со специальным письмом «О снабжении населения сильными кормами» обратился член СТО А. П. Смирнов. Он сообщал, что Наркомторг СССР не выполняет задания по поставке жмыхов системе молочной кооперации, и она, в то время, когда они особенно необходимы (январь-февраль), не может удовлетворить даже самых неотложных нужд в сильных кормах. Основная часть отрубей (5,5 млн пудов, или 80%) была оставлена в местах их производства в целях стимулирования заготовок зерновых. По этой причине около 60% трестированных совхозов и 20% маслоартелей сократили поставки молочной продукции, как в целом, так и в части экспорта [13].

³ Концентраты, содержащие большое количество питательных веществ – все зерновые продукты, остатки от мукомольных и бродильных производств, жмыхи и т. д.

В 1928 г. в связи с плохим урожаем хлебов и недородом грубых и сочных кормов началось падение основных показателей молочного хозяйства в сравнении с предыдущим годом. В инструкторских отчетах Маслоцентра уже весной 1928 г. отмечалось повсеместное сокращение молочного стада почти во всех округах Сибирского края. Неблагоприятное состояние кормовой базы привело к забою скота и увеличению мясозаготовок [14].

Социальная политика

Война, разруха и общая направленность социальной политики советской власти на «классовую поддержку» крестьянской бедноты привели к тому, что в 1928 г. доля условно бедных членов маслодельных артелей, имеющих до трех коров включительно, выросла вдвое по сравнению с 1907 г. (84,8% против 42,4%). Некоторое представление об изменении структуры поставок сырья для маслодельной кооперации можно получить из таблицы 2.

Таблица 2. Изменение структуры обеспеченности молочным скотом крестьянских хозяйств – членов маслоартелей в Сибири в 1907 и 1928 гг. (по выборочным данным), % к итогу

Показатель	До 3 коров включительно		От 4 до 9 коров		10 и более коров	
	1907	1928	1907	1928	1907	1928
Доля хозяйств, имеющих коров	42,4	84,8	46,5	14,7	11,1	0,5
Доля молочных коров в данной группе хозяйств	18,5	65,2	51,2	32,2	30,3	2,6

Источник: [15. С. 314].

Подчеркнем, что к 1928 г. основная часть продуктивного молочного стада (65%) оказалась сосредоточена в мелких хозяйствах, которые и составили основу советской молочной кооперации. При этом доля преимущественно товарных хозяйств в молочном животноводстве, по данным выборочных обследований, сократилась с 68,5% в 1915 г. до 25,9% в 1927 г., а доля преимущественно потребительских хозяйств – увеличилась с 14,0% до 42,6% [11].

Упомянутые изменения в структуре маслодельной кооперации обернулись оттоком из нее финансовых средств населения. Компенсировать эти потери государство было не в состоянии из-за мобилизации средств на индустриализацию, так что несвоевременность и недостаточность кредитования строительства

маслозаводов, агрозоотехнических мероприятий, формирования кормовой базы приобрели хронический характер.

Под приоритетное направление советской аграрной политики – коллективизацию молочного животноводства – в ограниченных размерах предоставлялись кредиты на приобретение коров, а также льготы на снабжение кормами и контрактации молока и скота, оказывалась бесплатная агрономическая и ветеринарная помощь. Но эти средства не давали желаемой экономической отдачи. Бедняцко-батрацкие группы деревни, объединенные в показательные кооперативы-коммуны и молочно-скотоводческие коллективы, не смогли заготовить даже строительные материалы для постройки общественных ферм по содержанию скота. А организованный по постановлению Сибкрайисполкома «миллионный фонд» коллективизации молочного хозяйства полностью так и не был сформирован из-за отказа Сибсельбанка и Сибкрайгосторга внести паи [16].

Колхозы-коммуны не смогли стать основой высокотоварного молочного животноводства. А сама коллективизация нанесла колоссальный удар по молочному животноводству и маслоделию. В 1930 г. вследствие массового забоя молочного скота заготовка масла по стране сократилась по сравнению с предыдущим годом почти вдвое: с 4,7 до 2,5 млн пудов [17. С. 6].

Администрирование в кооперативном строительстве. В отличие от дореволюционного периода, маслодельная кооперация оказалась под жестким патронатом государства, проводившего постоянные реорганизации, затронувшие основы кооперативной деятельности и негативно сказавшиеся на производственно-заготовительной работе. Решение советского правительства в 1920 г. об объединении всех видов кооперации в системе Центросоюза нанесло значительный урон традиционному кооперативному менеджменту. Только в 1922–1923 гг. маслодельные заводы были изъяты из ведения потребительских обществ и стали основой воссоздаваемой сельскохозяйственной кооперации. В 1924 г. молочно-маслодельное хозяйство выделилось в специализированную кооперативную систему, и 1 июля приступил к работе Всероссийский союз молочной кооперации – Маслоцентр. Сибирский краевой союз молочной кооперации (Сибмаслосоюз) начал работать с октября 1924 г., а юридически был оформлен в январе 1925 г. Таким образом, на восстановление организации,

по своим функциям и полномочиям напоминающей ликвидированный в 1920 г. Союз сибирских маслодельных артелей, потребовалось почти пять лет.

Сибмаслосоюз не был самостоятельной организацией, он зависел от органов госуправления в сфере финансов, кадровой политики, кооперативного строительства и по другим распорядительным функциям. За счет мер административного регулирования удельный вес Сибмаслосоюза в заготовках масла удалось увеличить с 50,4% в 1924/25 г. до 75,3% в 1928/29 г. Но примечательно, что в абсолютных значениях объем маслозаготовок в течение 1926–1929 гг. практически не увеличивался, то есть доля кооперации поддерживалась искусственно – вопреки экономическим условиям и требованиям рынка.

В условиях относительно низких закупочных цен на молоко руководство кооперации взяло курс на снижение издержек производства за счет технического перевооружения отрасли и реорганизации низовой сети (укрупнение маслоартелей, прикрепленных к вновь построенным механизированным маслозаводам). За 1925–1928 гг. Сибмаслосоюз построил 1304 завода, из которых 714 были современными механизированными предприятиями. Но, во-первых, основная часть инвестиций на их строительство поступила от государства, а не от крестьян-пайщиков, что вызвало финансовое перенапряжение системы [15]. Во-вторых, новые крупные заводы оказались лишены надежной сырьевой базы.

До революции небольшие маслозаводы существовали почти в каждом селении, так что никаких проблем с доставкой сырья не возникало. Но к 1927 г. количество населенных пунктов в Сибири увеличилось в три раза, а заводов из-за «модернизации» стало значительно меньше. Во втором полугодии 1927 г. было введено в строй 10 новых крупных механизированных заводов и одновременно закрыто 10 конных и 500 ручных заводов [18].

С обоснованной критикой кооперативной гигантомании выступил на заседании президиума Сибкрайисполкома в феврале 1928 г. В. Каврайский. «Я отнюдь не против индустрии, – говорил докладчик, – но нахожу, что без экономической базы такие крупные заводы существовать не могут... Сейчас мы строим механизированные заводы, рассчитывая на большую производительность, строим их в Сибири, исходя из датской плотности коровьего населения... Только плотность-то у нас

сибирская, а не датская. Если учесть это обстоятельство, если учесть раздробленность селений, если учесть, что раздробленность крестьянских хозяйств усилилась еще больше, что вообще при таких условиях затруднена организация всего хозяйства в целом, – будет совершенно ясно, что крупные механизированные маслодельные заводы надо строить с большой оглядкой и тщательно разбирая в каждом отдельном случае, можно ли его поставить или нет» [19].

Дополнительной финансовой нагрузкой на кооператоров легли необходимые и весьма значительные затраты на агро- и зоотехнические мероприятия. Сибмаслосоюз и окружные союзы молочной кооперации организовали в селах Кривое, Макарьевское и Балыкса гнезда по племенной работе, в которых пропагандировались передовые методы содержания и кормления животных. На их средства проводились курсы мастеров маслоделия, осуществлялся контроль квалификации ассистентов, скотоводов, лаборантов, счетоводов и т. д. Кооперация полностью содержала школы молочного хозяйства в Каинске, Тюкалинске и с. Алтайском, субсидировала молочное отделение при Новосибирском сельскохозяйственном техникуме, выплачивала стипендии учащимся Сибирского института сельского хозяйства в Омске и пяти сибирских зоотехникумов в Омске, Томске, Барнауле, Минусинске, Иркутске. За счет средств кооперации содержался штат специалистов по животноводству – 243 чел. Но экономическая эффективность этой работы была не слишком высока: среднегодовая продуктивность коровы в зоне работы маслодельных артелей в 1928 г. составляла 920 кг и была только на 83 кг выше, чем в среднем по Сибирскому краю [17].

Период инвестиционной активности, ввода в строй новых заводов, роста кооперативных маслозаготовок был непродолжителен. К концу 1920-х годов негативные тенденции в маслодельной кооперации возобладали. Крестьяне-пайщики из-за низких закупочных цен на молоко, больших издержек на содержание аппарата управления и расчеты по кредитам, а также бесхозяйственной эксплуатации маслозаводов утратили материальную заинтересованность в работе маслодельных артелей. Значительные капитальные вложения в строительство новых маслозаводов не давали адекватной отдачи.

Политическим руководством страны это было расценено как недееспособность сбытоснабженческой сельскохозяйственной кооперации, доказательством необходимости перехода к производственным кооперативам. В декабре 1929 г. Сибмаслосоюз прекратил свое существование, слившись с животноводческой кооперацией в новую кооперативную структуру – Сибмолживсоюз. В начале 1930 г. маслодельная артель ликвидируется, а маслодельные заводы передаются вновь организованным районным молочно-животноводческим союзам. Летом 1930 г. маслозаводы, находящиеся вне животноводческих районов, передаются потребительской кооперации. Этим по существу заканчивается деятельность маслодельной кооперации как самостоятельной специализированной кооперативной системы, а организация маслоделия возлагается на специализированные молочно-товарные фермы в колхозах и молочные колхозы [20. С. 494].

Таким образом, советская модель государственного регулирования принципиально изменила всю систему кооперативного управления и внутрикооперативных отношений, и интерес крестьян к такой форме сотрудничества угас окончательно.

Варианты перспективного планирования

Весной 1929 г. в Совет Труда и Оборона поступили доклады и предложения Госплана и Наркома РКИ о мерах по развитию молочного животноводства и маслоделия. Оба ведомства в принципе исходили из необходимости проведения коллективизации молочного животноводства. Их позиции в определении причин кризиса и оценке состояния отечественного маслоделия накануне коллективизации во многом совпадали, но рекомендации носили противоположный характер. Предлагаемый Госпланом курс на интенсификацию молочного животноводства плохо учитывал политические и экономические реалии и был неприемлем в условиях бесхозяйственности, подрыва у крестьян материальной заинтересованности в сдаче молока на маслозаводы. Привлечение в маслоделие дополнительных инвестиций могло обернуться строительством новых механизированных заводов, не обеспеченных стабильными поставками молока, а, следовательно, огромными потерями. Укрепление кормовой базы также требовало значительных затрат.

В этих условиях высшие органы государственной власти приняли за основу предложения Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции, ориентированные на не капиталоемкий путь развития маслоделия и сосредоточении усилий на удовлетворении внутренних потребностей страны в сливочном масле. Жмых, зерно и другие сильные корма оказалось проще и выгоднее экспортировать, чем оставлять внутри страны для нужд неэффективно функционирующих государственных и кооперативных маслозаводов [21].

Таким образом, общий структурный сдвиг сельского хозяйства Сибири в пользу растениеводства происходил во многом под воздействием изменения места России в мировом экономическом пространстве. Закрывание зарубежных рынков для сибирского масла в 1914–1922 гг. привело к утрате завоеванных ранее позиций, а внутренний рынок оказался недостаточно емким для масла в сравнении с хлебом. Это обстоятельство дало импульс к снижению товарности отрасли и ее переориентации на внутреннее потребление, в том числе внутри крестьянских хозяйств.

Другим ограничителем стало исчерпание возможностей экстенсивного пути развития сельского хозяйства, связанного с залежной системой земледелия. Расширение пашни под зерновые культуры, обусловленное приоритетом в ценах на продукцию растениеводства, оказывало негативное влияние на кормовую базу молочного животноводства. К тому же крестьяне не проявляли интереса к расширению товарности молочных хозяйств в условиях относительно низких закупочных цен на молоко.

Эти обстоятельства обусловили выбор приоритета в экономической политике властей на поддержку зернового направления. Инвестиционный голод не позволял внедрить более прогрессивные и капиталоемкие технологии земледелия. Макроэкономические и политические условия диктовали необходимость иных стратегических решений, направленных на мобилизацию ресурсов для проведения индустриализации.

Литература

1. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 9 а. Д. 1235. Л. 23.
2. Обследование маслоделия в Сибири в связи с условиями перевозок масла. – М., 1928.
3. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 9а. Д. 1235 Л. 59об.
4. РГАЭ. Ф. 4110. Оп. 9. Д. 29. Л. 2–4.
5. Николаев А. А. Роль маслодельной кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода // Сибирское общество в контексте модернизации. – Новосибирск, 2003.
6. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 110, 111, 116, 118.
7. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681, Л. 110.
8. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 192, 193, 195.
9. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 194.
10. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 201.
11. Минеев М. К. К вопросу о маслоделии и маслозаготовках в Сибири // Жизнь Сибири. – 1928. – № 9–10.
12. Осипов И. И. Проблемы научных исследований в сибирском сельском хозяйстве // Жизнь Сибири. – 1928. – № 2. – С. 22–28.
13. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 27, 28.
14. РГАЭ. Ф. 4110, Оп. 1. Д. 176. Л. 3.
15. Сибирская советская энциклопедия. – Т. 3. Западно-Сибирское отделение ОГИЗ. – М.: Типография «Правда», 1931.
16. РГАЭ. Ф. 4110. Оп. 5. Д. 309. Л. 2об.
17. Меринов А. Ф. За качество экспортного масла. Внешторгиздат. – М. – Л., 1932.
18. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 119, 121, 122.
19. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 681. Л. 123.
20. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Западно-Сибирское отделение ОГИЗ. – М.: Типография «Правда», 1931.
21. Николаев А. А. Маслоделие в проектах Госплана и Наркомата РКИ// Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 2. – С. 91–95.